

Любовь по Марксу

Можно спорить о технических достижениях пятилѣтки и о значительности той научной, прежде всего научно-технической работы, что ведется во вновь оборудованных совѣтскою властью институтах, но об одном спорить нельзя — нельзя спорить о том, что, страстно стремясь к насажденію в Россіи европейской цивилизаціи, большевики безбожно уродуют духовный облик русской культуры. Богословская и философская мысль, гуманитарныя науки и художественное творчество (в особенности живопись) возвращены в первобытное состояніе. Вся Россія похожа на приготовительный класс, в котором дѣти хором учат азбуку: — азбуку Бухарина. Ряд выстраданных крупных философских и художественных достижений не в счет. С точки зрѣнія большевицкой власти они являются результатами идеологически-административнаго недосмотра, — и только.

Этот жуткій разгром культуры связывается, как самими большевиками (которым он представляется творчеством), так и их противниками с именем Маркса. Сомнѣваться в реальности этой связи не приходится — она очевидна; но не задуматься над ней нельзя.

Маркс отнюдь не был элементарным цивилизатором и грубым материалистом. Вопреки мнѣнію большинства его поклонников и врагов, он никогда не отрицал роли сознанія и воли в исторіи; всегда учитывал значеніе «воспоминаній», «вѣрованій», «иллюзій», «убѣжденій». Смысл діалектическаго материализма не в отрицаніи значенія личности в исторіи, а в утвержденіи, что это значеніе находится в прямой зависимости от готовности человѣка к подчиненію господствующим в мірѣ законам. В сущности, неоспоримо вѣрная и, если отвлечься от вопроса о природѣ верховных законов (Маркс считал верховными законами — законы эконоимики), даже и религіозная мысль, что личное творчество возможно только на почвѣ послушанія сверхличным силам и реальностям.

Но не только историко-философская система Маркса не вяжется, на первый взгляд по крайней мѣрѣ, с тѣм, что дѣлается сейчас в Россіи, не вяжется с большевицким міром и весь духовный облик основателя научнаго социализма. Маркс был одним из самых многосторонних и культурных людей своего времени. Блестящій знаток философіи, исторіи и политической экономіи, перерывшій всѣ библиотечныя сокровища Британскаго Музея, он всѣ часы досуга и усталости посвящал чтенію античных классиков и занятіям высшею математикой. Один из послѣдних біографов Маркса так и характеризует его, как утонченнаго гурмана культуры. Характеристика эта, конечно, преувеличена, но все ... она правильно указывает на неповинность Маркса в цивилизаторском варварствѣ, на его внутреннюю чуждость всякому культурному упрощенству.

Но если так, то чѣм же объяснить, что именем творца научнаго социализма не только прикрывается, но и подлинно творится тот разгром культуры, что вот уже много лѣтъ буйствует в Россіи?

Подробный отвѣтъ на этот вопрос не может входить в задачу настоящей статьи. Из безчисленнаго количества заключающихся в нем проблем я хотѣлъ бы выдѣлить только одну, наиболѣе важную для пониманія того страшнаго, смраднаго и страдальческаго пути, которым большевики сразу же повели и все еще ведут русскую молодежь в царство новой «соціалистической жизни», новой морали и новой любви. Такою главною проблемой представляется мнѣ отношеніе Маркса к той особой реальности, которую человечество уже вѣками именует духом.

Учитель Маркса, Гегель еще имѣлъ опыт духа, твердо вѣрил в дух и мыслилъ всѣ происходящіе в мірѣ процессы, как процессы саморазвитія духа. Под духом же он понимал в концѣ концов Бога, но не обычнаго Бога простодушнаго религіознаго сознанія, а Бога, как бы пропущеннаго сквозь сложный критическій аппарат философскаго мышленія. Об отношеніи Бога и духа у Гегеля можно долго спорить. Но как бы ни истолковывать взаимоотношенія обоих начал, одно ясно: — что у Гегеля временно-пространственный, душевной-тѣлесный и при-

родно-исторический мир живет и дышит не в силу присущих ему самому сил, а волею высшего начала.

Во многом (главным образом в признании метода діалектики) оставшись навсегда учеником Гегеля, Маркс с первых же шагов своего философствованія «заявил протест» против гегелевскаго духовѣрчества. Говоря производственнымъ языкомъ Совѣтской Россіи, можно считать главною философскою мыслью Маркса мысль о перенесеніи силовой станціи исторіи, производящей всѣ виды энергіи, какъ грубо-физической, такъ и утонченно-психической, изъ заоблачныхъ высотъ на землю.

Ничего новаго и оригинальнаго в этомъ положеніи Маркса нѣтъ. В своей духоборческой философіи онъ всего лишь возвращается къ тѣмъ англійскимъ и французскимъ мыслителямъ, которые в борьбѣ противъ остатковъ религіозно-метафизическихъ построеній, еще присутствующихъ почти во всѣхъ крупныхъ философскихъ системахъ XVIII вѣка, впервые кладутъ починъ (1760-1780) чисто эмпирическому изученію географическихъ, технологическихъ и главнымъ образомъ экономическихъ основъ человѣческаго обществитія.

Знаменитое положеніе Маркса, сформулированное имъ впервые в «Критикѣ политической экономіи» и сводящееся къ утвержденію, что «производственныя формы опредѣляютъ собою социальныя, политическія и духовныя процессы жизни», является лишь наиболѣе радикальною формулировкою преодолѣнныхъ въ нѣмецкомъ идеализмѣ просвѣщенскихъ теорій XVIII вѣка.

Признаніе социологическаго подхода къ явленіямъ духовной культуры не можетъ быть никому вмѣнено в обязанность, но, если его уже признавать (какъ его признаютъ марксисты), то, не будучи предвзятымъ марксистомъ, нельзя не видѣть, что философски-социологическая система Маркса и по своимъ истокамъ, и по своей сущности является классическимъ выраженіемъ духа буржуазной цивилизаціи и буржуазной культуры. Отрицаніе Бога и духа, идолопоклончество передъ наукой и прогрессомъ, положеніе экономіки в основу социальнo-политическихъ процессовъ жизни и цѣлый рядъ другихъ положеній, характерныхъ для буржуазной вѣры в абсолютную, «в себѣ самой покоящуюся здѣшность» жизни и міра —

являются, по признанию самих же большевиков, «заброшированным инвентарем» и марксистского мирозерцания.

Представляя собою систему типично буржуазного понимания мира, марксизм по своим практически-политическим заданиям является, однако, непримиримым врагом буржуазной цивилизации и культуры. Этою «неувязкою» теоретического сознания и практической воли объясняется безсиліе пролетарского творчества. В Европѣ, особенно в Германіи, гдѣ послѣ революціи 1919 года социал-демократія пришла к власти, пролетаріат не произнес не только ни одного новаго, но даже и просто своего слова. В лицѣ своих лучших представителей он оказался в отношеніи буржуазной культуры в положеніи Толстого, отрицавшаго Бетховена, плакавшаго над Бетховеном и считавшаго свои старческія слезы за грѣх; или — болѣе близкій примѣръ — в положеніи самого Маркса, ненавидѣвшаго «рабскую» основу всѣх допролетарских культур и самозабвенно увлекавшагося Эсхилом, Сервантесом, Шекспиром и другими гениями «доисторической» эпохи. Анкета, произведенная среди элиты марксистской пролетарской молодежи, также показала, что Гете, Шиллер, Толстой и даже архибуржуазный Фрейтаг читаются в кругах этой молодежи больше, чѣм Маркс, Достоевскій, Горькій, Дюма, Гауптман — больше, чѣм Бебель и Энгельс, и, что самое удивительное, — Ленин не больше, чѣм Ницше.

Большевики этим путем «включенія» пролетаріата в буржуазную культуру пойти не захотѣли, да и по всей своей сущности и некультурности русских масс — пойти и не могли. Их положительное отношеніе к культурным цѣнностям прежней Россіи сразу же опредѣлилось, как стремленіе подсмотрѣть внѣшніе приемы великих мастеров прошлаго, чтобы догнать и перегнать их на своем пролетарском пути. Но тут то и оказалось, что никакого своего пути у пролетарской культуры нѣтъ, что нетерпѣливое, волевое утвержденіе его приводит не столько к разгрому буржуазной культуры, сколько к разгрому культуры вообще. Особенно ясно можно эту подмѣну прослѣдить в той сферѣ, которой большевики всегда удѣляли очень много вниманія: в сферѣ сознания новой общественной морали и новой личной нравственности.

Советская публицистика, советскія анкеты, общественныя дискуссіи, но главным образом советская литература обнаруживают с полной очевидностью, что, нанеся своею борьбою за новую мораль непоправимые удары всякой морали, большевики не только не вырвали «с корнем» из русской жизни всѣх «буржуазных мерзостей», но, наоборот, довели расцвѣтъ этих мерзостей до небывалых размѣров. Болѣе, чѣм в какой-либо другой сферѣ, сказалась здѣсь полная невозможность творческаго обновленія жизни на основѣ злостнаго и самоувѣреннаго отрицанія ея духовных основ. Я хочу прослѣдить эту невозможность в сферѣ тѣх путаных любовных отношеній, что сложились в Советской Россіи.

Проблема семьи и свободной любви безконечно сложна. Установить, что по праву можно называть буржуазной любовью и буржуазной семьей гораздо труднѣе, чѣм то представляется советским соціологам и педагогам. Ясно только одно: установленіе «буржуазнаго» отношенія к женщинѣ, буржуазнаго пониманія любви и семьи должно исходить из тѣх основных переиѣн, которыя просвѣщенская мысль и буржуазное (третье-сословное) общество внесли в добуржуазное (средне-вѣковое) пониманіе этих вопросов.

Религіозно-соціальная мысль христіанскаго средневѣковья аскетична: высшее назначеніе женщины — монастырь. Внѣ монастыря — брак, понимаемый еще со времен блаженнаго Августина, как таинство. Этому «закрѣпощенію» женщины Богу и церкви наносит первый удар Лютер, лишаящій брак его сакраментальнаго характера. Мыслители эпохи просвѣщенія идут по путям протестантизма еще дальше. Для них брак является «свободным договором» изначально равных существ. Результатом этого уравненія является введеніе гражданскаго брака в концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. «Буржуазная» мысль однако не успокаивается: под влияніем цѣлаго ряда обстоятельств, связанных с мощным развитіем капитализма, к концу XIX вѣка в Европѣ возникает так называемый женскій вопрос и вырастает женское движеніе, быстро преуспѣвающее в

своей борьбѣ за экономическое, социальное и политическое раскрѣпощеніе женщины. Этот свершающийся под влияніем «буржуазной» мысли и в нѣдрах «буржуазнаго» общества процесс осложняется цѣлым рядом других сопутствующих процессов. Самым цѣнным из них является возникающій в романтикѣ новый культ «свободной» эротики, принципиально отличаемой от сексуальности, и углубленное психологическое познание, и художественное изображеніе женской души и любви в европейском романѣ и музыкѣ XIX столѣтія. Наряду с этим положительным процессом развивается и отрицательный: — рост проституціи в больших промышленных городах.

Таково в самых кратких чертах сложное единство буржуазнаго пониманія и осуществленія любви, семьи и социальной эмансипаціи.

Для совѣтской пропаганды большевицкаго социализма характерно прежде всего то, что она это единство совершенно произвольно разслагает на «буржуазную» любовь, будто бы удушающую женщину в семьѣ и растлѣвающую ее в болѣе или менѣе утонченной или грубой проституціи, и на социалистическую борьбу за всестороннее освобожденіе человѣка в женщинѣ и женщины в обществѣ.

Для того, чтобы выяснитъ себѣ истинную природу происходящих в Совѣтской Россіи социально-психологических процессов, надо прежде всего отчетливо установить, что идея освобожденія женщины, как вообще всѣ идеи свободы, является типично буржуазной идеей. Социалистическая борьба за освобожденіе женщины явилась в Европѣ всего лишь дополненіем и расширеніем буржуазной борьбы. Конечно, она внесла в нее свои специфическія черты, по новому связала ее с борьбою рабочаго класса против капитала, вынудила у работодателей и у государства большія уступки в направленіи огражденія женскаго фабричнаго труда, улучшенія жилищных условій и т. д., но никакого принципиально новаго идеала женщины, по новому свободной в любви, бракѣ и на общественной работѣ, не создала. Чтобы убѣдиться, до чего, в сущности, буржуазна «новая социалистическая мораль», достаточно прочесть выпущенную Международной Рабочей Библиотекой (и очень распространенную в Германіи) брошюру Коллонтай:

«Die neue Moral und die Arbeiterklasse». Среди провозвѣстников и изобразителей новой морали Коллонтай между прочим называет: Карла Гауптмана, Зудермана, Мейзель-Гессе, Коллет-Ивер, Щепкину-Куперник, Потапенко, Винниченко, Генриха Манна, Нагродскую и т. д., и т. д. Если такіе второсортные и третьесортные буржуа могли создавать и воплощать облики новой морали и новой любви, то вряд ли можно сомнѣваться в отсутствіи чего бы то ни было подлинно новаго в социалистическом замыслѣ новой свободной женщины. Каждый, знающій Европу, согласится, что такого новаго замысла в рядах европейскаго пролетаріата искать, дѣйствительно, не приходится. Европейскіе социалисты психологически добрые буржуа и притом далеко не всегда передовые по своим нравственным и общественным воззрѣніям.

Но если так, если тему освобожденія женщины нужно считать не столько социалистической, сколько буржуазной темой, то в чем же тогда заключается тот новый принцип, который безусловно чувствуется и в сверхъевропейском радикализмѣ совѣтскаго брачнаго законодательства и в тѣх новых формах взаимоотношенія полов, что, выработавшись в Совѣтской Россіи, отразились в совѣтской литературѣ?

Думается, что двух отвѣтов на поставленный вопрос быть не может. Стимул совѣтскаго брачнаго законодательства и пафос партійной любовной проповѣди заключается не в стремленіи к освобожденію любви, как таковой, а в ея новом, небывалом закрѣпощеніи коммунистической государственности, выдаваемой за совѣтскую общественность. Только такое пониманіе происходящих в Россіи процессов сводит их к единому знаменателю и дѣйствительно объясняет их. В этом насильническом закрѣпощеніи освобожденной было в буржуазной культурѣ любви надо искать объясненіе всѣм тѣм явленіям, что заставили Ленина, никогда не бывшаго, по его собственному свидѣтельству, «мрачным аскетом», приравнять (в разговорѣ с Кларой Цеткин) так называемую новую половую жизнь совѣтской молодежи и нѣкоторых старичков к тому, что всегда происходит в самых обыкновенных и архибуржуазных домах терпимости.

На первый взгляд, такое утвержденіе может показаться па-

радоксальным и невѣрным. Прежде всего на том основаніи, что совѣтская власть не ограничилась по примѣру Запада «расцерковленіем брака», но в своем постановленіи от 1-го января 1927 года пошла гораздо дальше: провозгласила, по выраженію Генриха Фрейда,¹⁾ «полное разгосударствленіе брачных отношеній», создав таким образом, наряду с церковным и гражданским браками, еще третій вид законнаго, хотя и неизвѣстно чѣм отличающагося от случайной и кратковременной связи «фактическаго брака». Профессор Маклецов указывает в своей обстоятельной статьѣ на то, что этот институт фактическаго брака (его достаточными для судопроизводства признаками служат: факт сожителства, общая квартира, взаимная матеріальная поддержка, совмѣстное воспитаніе дѣтей и т. д.) вызвал страшную путаницу всѣх понятій, легализовав в концѣ концов (по свидѣтельству совѣтских юристов) не только полигамію, но, с точки зрѣнія мертвой буквы закона, даже и кровосмѣшеніе.²⁾

Все это безспорно вѣрно: не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что установленіем института «фактическаго» брака и упорною проповѣдью абсолютной свободы любви совѣтская власть создала и для себя самой непроницаемый мрак в сферѣ любовных взаимоотношеній своих граждан. И все же это государственное насажденіе хаоса не есть безсиліе власти, а только своеобразная форма утвержденія своей силы и насажденіе своих принципов в душах русских людей и прежде всего молодежи.

Громадный опыт католической церкви неоспоримо доказывает, что семья, как духовно-душевная связь и как хозяйственно-бытовой факт, весьма затруннѣла для власти и духовное водительство и политическое господство. Историки католицизма согласно указывают (на ряду с духовными причинами, которых я не касаюсь) и на эти социологическія основы безбрачія католическаго духовенства. Создать обязательное безбрачіе для своих верховных руководителей и низовых аппаратчиков коммунисты, конечно, не могли. И они инстинктивно пошли

1) Cf. Die Zivilgesetze der Gegenwart. B. IV. Abteilung I. Ers. Lieferung: das Familienrecht der Sowjetrepublik, Prof. Dr. H. Freud.

2) Maklezow. Ehe und Familie in Sowjetrussland. Hochland.

другим путем, путем поголовного насаждения безответственной холостой психологии не только среди партийцев, но, по возможности, и среди всех граждан С.С.С.Р. Холостого человека и с партией и с клубом связать легче, чем женатого. Его легче переместить в аппарат, легче перебросить из Крыма в Сибирь и обратно. Семья неизбежно усиливает бытовые корни, «засасывает» человека в сферу его личных интересов. Она создает тяжелые любовные конфликты верности и ревности, часто безразсудно и безприбыльно растрчивает работоспособность и нервы своих членов. Советской же власти при ее гигантомании (строить новый мир!) работоспособность и нервы каждого человека нужны цѣликом, обязательно на все сто процентов. Отсюда и выработался принцип уничтожения всякаго «непродуктивнаго перетирания» человеческой души на жерновах мѣщанскаго семейнаго уклада. Живи как хочешь, только живи так, чтобы не было слишком большой утечки общественно нужной энергии в частную жизнь. Если хочешь, сдѣлаем выкидыш; если хочешь — воспитаем ребенка в государственных институтах. Вся ответственность — чисто внешняя: плати алименты. Если платишь, чист, как стеклышко. За страданія же того, кого, быть может, сверг в смертное отчаяніе и непреодолимую скорбь, ответственности не несешь; такія чувства — мѣщанство и рабство; ненужная и даже вредная надстройка над голо-природным фактом совокупления в цѣлях дѣторождения.

Быть может, среди всех творческих заданий и осуществлений большевизма нѣтъ ни одного, в котором принципиальное духоборчество большевизма сыграло бы такую страшную роль, как в достижениях на «любовном фронтѣ». О потрясающих размѣрах этих достижений ничто не свидѣтельствует с такою силою, как произведенныя Гельманом среди учащейся пролетарской молодежи и опубликованная им еще в 1923 году анкета.³⁾ Все отвѣты исходят из самоочевиднаго положенія, что у молодого коммуниста и сочувствующаго не может быть другой жизненной задачи, кромѣ как отдачи всех своих сил в распоряженіе партій и социалистическаго строитель-

³⁾ Гельман. Половая жизнь современной молодежи. Москва-Ленинград 1923 г.

ства. Но поперек пути этого жертвеннаго служенія становится, как оказывается, любовь, со своими трудностями и сложностями. Эти ненужныя трудности и сложности должны быть уничтожены. В качествѣ способов уничтоженія предлагаются самыя разныя средства: устройство государственных домов свиданій (не имѣющих, конечно, ничего общаго с буржуазными домами терпимости), гдѣ молодые здоровые совѣтскіе люди могли бы на лету знакомиться и плодиться во славу социализма; требованіе административнаго разъясненія «женскому персоналу» о мѣщанских предрасудках, так как все еще есть «такія сумасшедшія», которым и «хочется», но которыя «не хотят» соглашаться. Это мужскія предложенія. Женскія еще того страшнѣе. Многія студентки жалуются, что «товарищ» в общем еще слишком груб и сѣр для идейной любви, и что служить социализму легче, если не быть связанной семьей. Отвѣты предлагают выкидыши, «хотя бы тридцать раз, если понадобится», сожителство с подругами и, «как ни отвратительны такія средства» — онанизм.

Таковы тѣ настроенія какого-то совершенно непостижимаго идеалистическаго изуверства, зачастую, вѣроятно, спутаннаго с идеологическим лицемѣріем, которое большевики взрастили не только в новом служилом сословіи, но и в безкорыстно, идейно преданной им молодежи.

В связи с брачным законодательством Совѣтов находится и их культурно-политическая проповѣдь. Во всѣ времена искусство и в частности литература были тѣсно связаны с любовью, с ея восторгами и муками. Благодаря этой связи, жизнь в искусствѣ всегда дорого обходилась человѣку и человѣчеству. Когда-то А. Бѣлый в статьѣ «Против музыки» писал, что музыка размагничиваетъ человѣка; что, исходя в креслѣ партера волненіем о Бетховенѣ, мы растрачиваем отпущенный нам для строительства жизни запас душевной энергіи. Литературная политика коммунистической партіи цѣлком построена на вульгаризаціи этой мысли. «Лирическая музыка, лирическая поэзія, сладострастно обнажающія человѣческое тѣ-

до живописи и пластика, все это роды искусства, которые бо-
рющемуся революционному пролетариату не нужны». Не нуж-
ны потому, что они засасывают человѣка; на время по крайней
мѣрѣ дают ему возможность жить в любом мѣрѣ; социалистам
же нужно строить новый мѣр. Для этого построения необходи-
мо переключение эротической энергии на социально-строитель-
ную. Методами такого переключения являются, во-первых, ра-
сторжение связи искусства с его верховною темой, с темой
любви и смерти, а, во-вторых, создание новой связи между искус-
ством и социально-политическим строительством. Стремясь на
путях особо грѣхоудобнаго брачнаго законодательства создать
среди всѣх женатых и замужних — церковным ли, граждан-
ским ли браком, все равно, специфически холостую психоло-
гію, большевики на путях государственнаго руководства лите-
ратурой сознательно стремятся к наивозможно большей depo-
зитизации любви, к ея метафизическому, психологическому и
эстетическому удешевлению. Не то, чтобы они сводили ее к
простому биологическому факту; они пытаются даже одухо-
творить «половой акт», но его духом является у них не лю-
бовь, а социализм. Это парадоксальнѣйшее, хотя в исторіи рус-
ской общественной мысли не новое положеніе особенно на-
глядно вычерчивается в книгѣ Залкина,⁴⁾ который, с одной
стороны, требует, чтобы половой акт был завершеніем глубо-
ких и сложных переживаній, идейно объединяющих любящих
друг друга, а с другой утверждает, что избраніе любовным
партнером представителя другого «высшаго» класса такая же
извращенность, как половое влеченіе к крокодилу или орангу-
тангу. Сопоставленіе этих двух положеній отчетливо формули-
рует большевицкій догмат о соціо-строительском смыслѣ со-
вѣтской эротики. Этой двуединой цѣли — удешевленія любви и
обездушенія искусства (на путях борьбы с любовью, как с его
глубочайшею темою) и служит усиленное и насильственное на-
сажденіе социалистическаго репортажа.

Искусство и любовь защищают свою исконную связь всѣ-
ми доступными им средствами: и сниженіем художественнаго
уровня подневольно-общественнаго творчества талантливых

⁴⁾ Залкин. Половой вопрос в условиях совѣтской обществен-
ности. Ленинград 1926 г.

художников («Соть» — Леонова, «Гидроцентраль» — Шагинян), и неизничтожимым стремлением к изображению любви даже и второстепенных писателей, которые, казалось бы, могли безоговорочно подчиниться социальному заказу социалистического репортажа. Но дело этой защиты подвигается с большим трудом. Партия и советская общественность борются с ним самыми различными способами: хвалят неудачные произведения законопослушных авторов, отказавшихся от «буржуазно-индивидуалистического ковырянья» в любовных ранах в пользу изображения успехов советского строительства; уверяют, что избоблительное изображение ужасов советской любви у Лидина, Пантелеймона Романова, Малашкина, Никандрова и других является «сплошным фальсификатом», основанным на неумении различать процессы «буржуазного догнивания» от процессов «пролетарского созидания», и главное — принципиально игнорируя всякий психологический и этический подход к вопросам любви, упорно переводят всё её безконечно сложные вопросы, над которыми всю свою долгую жизнь мучилось человеческое сознание, в плоскость элементарно-марксистской борьбы против буржуазной переоцнки любви, воспвваемой в стихах и прозе, окуриваемой поповским ладаном и философским фимиаом, заливаемой слезами и шампанским и ведущей к сифилису и самоубийству. Очень громкия обличительныя слова, но по существу и в особенности перед лицом советской действительности — совершенно пустыя. Религиозное и философское понимание любви отмнил не марксизм, а ненавистный ему буржуазный либерализм, превративший любовь в утонченно-насладительный и остро-ядовитый, но чисто психологический процесс. Сифилис и самоубийства и в Россii не перевелись. Вся разница только в том, что шампанское замнила водка, а «афинскія ночи» с их чисто русским, гитарно-цыганским, плясовым и псенным надрывом превратились в бытовое явление среди городского, пролетарски-крестьянского молодняка.

Наряду с двумя рассмотренными мною задачами освобождения женщины из-под гнета буржуазно-собственнической се-

мы и искоренения из нового быта всякой наркотически-глетворной романтики и всяческих упадочных лжепроблем и лжепереживаний, большевики неустанно работают и над третьей задачей, задачей уничтожения проституции. Раздвигать оптимизм советских изследователей достигнутых результатов, конечно, невозможно, и невозможно прежде всего потому, что они не допускают мысли о внутренней связи между исчезновением профессиональной проституции и проституированием советской женщины, благодаря проповедуемой большевизмом новой морали и новой «свободной любви». Но оставляя пока в стороне этот центральный вопрос, нельзя все же не признать, что в сфере борьбы с социально-экономическим злом явной и элементарной проституции — большевики добились положительных результатов. Во всяком случае воля их тут чиста и устремления благи. Насколько они ничего не понимают в вопросах любви и семьи, насколько смѣшны все их разговоры о свободѣ и ревности, о товариществѣ, дружбѣ и об идеологической основѣ полового влечения, настолько же серьезны их усилія справиться с проституцией, «недопустимой в государствѣ трудящихся». Конечно, и в этих устремлениях есть какой-то изувѣрскій утопизм, но не в примѣр другим областям советскаго строительства, скорѣе комическій, чѣм жуткій. В перепискѣ «проститутки Тани» с наркомздравом Сѣмашко на страницах «Рабочей Газеты» и еще больше в шефствѣ московскаго профилакторія над подмосковным колхозом, учиненном в цѣлях восстановления в падших женщинах чувства собственного достоинства», есть нѣчто от «Что дѣлать» Чернышевскаго и от «Бездны» Леонида Андреева. Можно легко себя представить, что думали и говорили старые мужики и бабы, а скорѣе всего и молодежь, когда в деревню пріѣхали городскія дѣвки с долечивающими их докторами и собственным оркестром учить мужиков уму-разуму по дорогѣ в социализм. Конечно, это крайности, нелѣпыя, смѣшныя и безтактныя, но все же за ними стоит и нѣчто положительное.

Ф. Б. Галле, родившаяся и выросшая в Россіи, вряд ли большевичка, но явно преданная большевикам попутчица, раз-

сказывает в своей обстоятельной книгѣ ⁵⁾ о разницѣ того впечатлѣнія, которое она получила от посѣщенія вѣнскаго и московскаго профилакторія. В Вѣнѣ прекрасная в большом саду усадьба, комфортабельныя помѣщенія, сияющая чистотой кухня, прекрасный гигиеничный стол. В Москвѣ неприспособленное зданіе, убожество обстановки, нехватка жилищной площади. Но зато в Москвѣ — «легкое дыханіе» у всѣх работниц-пациенток и полное отсутствіе моралистическаго чистоплюйства у докторов и персонала. В Вѣнѣ же безгрѣшныя, благолѣпныя сестры, любовно нисходящія к «грѣшницам». Грѣшницы всѣ раздѣлены на четыре категоріи (принцип раздѣленія — степень паденія). У каждой категоріи свой сад: в цѣлях ослабленія деморализующаго вліянія болѣе испорченных на менѣе испорченных. Увѣрен, что это описаніе точно. Чувство, парадоксально сформулированное Леонидом Андреевым: «стыдно быть хорошим», Европѣ не понятно. Русскому же сознанію, как религиозному, так и интеллигентскому ясно, что и нравственный капитал — капитал, владѣть которым пріятно, но кичиться которым перед тѣми, у кого его нѣтъ — стыдно: легко ли в самом дѣлѣ жить вором или жуликом, пьяницей или проституткой?

Это отсутствіе нравственнаго фарисейства в связи с традиціонным в марксистском мышленіи слияніем вопроса о раскрѣпощеніи женщины с вопросом о побѣдѣ социализма и дадо, очевидно, большевикам возможность поставить дѣло борьбы с профессиональной проституціей на правильную ногу: профилакторіи в цѣлом рядѣ городов, обученіе бывших проститутток ремеслу и грамотѣ, обезпеченіе их в первую очередь заводской работой, періодическіе съѣзды воспитанниц профилакторіев и т. д. Что вся эта работа ведется большевиками в ложных тонах назойливаго идеологизма и рекламнаго шума, а потому и с громадной утечкой дѣловой энергіи — ясно. Но этой стилистикѣ пора перестать удивляться. Критиковать большевизм с точки зрѣнія его неспособности к осуществленію поставленных им себѣ самому цѣлей бессмысленно. Реализуя сегодня 50 процентов своего идеала, он завтра, быть может, сможет осуществить 75 процентов.

⁵⁾ Fuchs W. H... Die Frau in Sowjetrussland. Paul Zsolnay Verlag. 1932.

Стопроцентных же реализаций истории не знает. Действительное отрицание большевизма должно потому отрицать его не на основании его неспособности к осуществлению своих заданий, а на основѣ непріемлемости его идеалов. Такая постановка вопроса сразу же возвращает всю проблему к той нерасторжимой связи между успѣшной борьбой с профессиональной проституцией и проституированіем любви, которую сами большевики отрицают, но которая не только существует, но в концѣ концов одна только объясняет их большіе но внѣшніе успѣхи.

Главное, чего не понимают большевики, это то, что основная проблема проституции заключается не в самом фактѣ продажной любви, а в расторженіи той внутренней связи между природной стихіей пола и духовной реальностью любимого лица, которая дѣлает эту продажность возможной. В концѣ концов всякое обезличеніе любви есть уже проституція. Большевизм же весь построен на отрицаніи абсолютнаго значенія личности. Это отрицаніе есть лишь производное от марксистскаго отрицанія духа. На почвѣ этого отрицанія радикальная борьба с проституцией невозможна. Возможно только измѣненіе тѣх ея форм, что были выработаны буржуазно-капиталистической культурой больших городов. Но, вѣдь, дѣло не в этих формах, а в восстановленіи той связи между стихіей безликаго пола и тайною лица, которая всегда утверждалась церковью и которая стала почти совсѣм непонятной современному человѣку. Этой основной проблемы любви большевизм даже и краем уха не слышит и в этой его глухотѣ кроется главная причина его творческой немощи во всѣх сферах культуры и жизни.

Маркс был не только знатоком и любителем всѣх подлинно великих твореній «донисторической», «рабской» культуры, он был кромѣ того и образцовым семьянином: мужем и отцом. В его исполненной преданнѣйшей любви и строжайшей вѣрности семейной жизни не было и намекы ли на какую новую мораль. Наоборот, жизнь его в своих безсознательных глубинах явно покоилась на нравственной гениальности еврейскаго чувства семьи и на пѣтистическом христіанствѣ, в духѣ кото-

раго была воспитана его жена. Уже стариком он писал, как приятно ему было посѣтить город, в котором всѣ помнили его Женни, красавицу, королеву всѣх трирских балов.

Над проблемой внутренняго расхожденія Маркса со своим ученіем стоит задуматься и слишком догматическим марксистам и слишком непримиримым противникам его дѣла. Быть может, величайшая бѣда марксизма заключается в том, что Маркс исключил из него тѣ духовныя основы, которыя жили в нем и которыми он сам жил. Включеніем себя в свою систему Маркс мог бы избѣжать той лжи односторонности и примитивности, которыя свойственны всякому, а в особенности совѣтскому марксизму.

Что в своем анализѣ капиталистическаго общества и буржуазной культуры Маркс проявил большую зоркость, не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. В каком-то широчайшем смыслѣ этого слова нынѣ всѣ марксисты. Вся экономическая и социальнo-политическая наука мыслит уже десятки лѣтъ в категориях марксова ученія. Вся борьба пролетаріата за власть питается его духовным и организационным наслѣдіем. Но, будучи блестящим діагностом, Маркс оказался безпомощным терапевтом. Воспитанные на идеях марксизма пролетарскіе вожди и массы превращаются или в послѣдышей буржуазной культуры, или, как легко устанавливается анализом большевицкаго опыта, в разрушителей культуры, как таковой. Задача, стоящая перед Россіей, заключается в сочетаніи правды марксовой критики буржуазно-капиталистическаго общества с тѣми началами духа и традиціи, которыя еще жили в нем самом, но которыя он изгнал из своей системы. Начала духа и традиціи суть по существу начала религіозныя. Путь от научнаго социализма ведет поэтому не к религіозному социализму нѣмецкаго образца, представляющему собою смѣсь социальнаго утопизма с религіозным малодушіем, а к религіозному утвержденію правды социализма. Только на этом пути возможно и то обновленіе социальнo-психологических форм любви, брака, семьи и женскаго служенія обществу, над которым тщетно бьется в корнѣ своем буржуазный дух большевицкаго социализма.

Федор Степул.